

ОКСАНА ГЛАЗНЕВА

ЧЕРНАЯ ЦАРЕВНА

Москва
«Снежный Ком»
2018

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6
Г52

Серия «Волшебные миры» основана в 2017 году
Ведущий редактор *Глеб Гусаков*
Дизайн серии *Макс Олин*

Глазнева, Оксана
Г52 **Черная царевна: роман / Оксана Глазнева.** — М. : Снежный
Ком М, 2018. — 368 с. — (Волшебные миры).

ISBN 978-5-9500850-7-9

В Яблоневоm Крае живут и люди, и боги. Давно вымерли чародеи, и лишь боги помогают людям управлять железными машинами и освещать дома, защищают от морских чудовищ и не позволяют умереть от голода.

Царевна Надежда — последняя живая чародейка. От рождения она обещана богу-мертвецу, оттого и не погибла во младенчестве. Шестнадцать лет ее держат в башне, защищая от мира, и мир от нее. Весь Яблоневый Край считает ее живым проклятием и предвестницей конца света. И пусть девушке предсказано вернуть память, свет и тени тем, кто их потерял, никто в мире не ждет от нее добра.

Так кто она? Встретившись лицом к лицу с ненавистью и страхом людей, с подлостью богов, кем станет? Проклятием или последней надеждой?

УДК 82-32
ББК 84(Рос-Рус)6

ISBN 978-5-9500850-7-9

© Глазнева О., 2018
© ООО «Снежный Ком М», 2018
© Оформление. Олин М., 2018

Часть I

Я только девочка. Мой долг
До брачного венца
Не забывать, что всюду — волк,
И помнить: я — овца.

Мечтать о замке золотом,
Качать, кружить, трясти
Сначала куклу, а потом
Не куклу, а почти.

В моей руке не быть мечу,
Не зазвенеть струне.
Я только девочка, — молчу.
Ах, если бы и мне,

Взглянув на звезды, зная, что там
И мне звезда зажглась,
И улыбаться всем глазам,
Не опуская глаз!

Марина Цветаева

Жолтень еще не закончился, но в Северной Варте потускнели листья, а воздух наполнился звенящей чистотой и запахом близкого снега. Всю неделю шли дожди: холодные, серые, длинные. Вода текла по черепице крыш и позолоченным куполам храмов, облизывала каменную кладку дворовых стен, затапливала пустые цеха заводов, превращала единственный городской сад в болото. Вода засоряла стоки, била родниками-обманками, подхватывала опавшие листья, обрывки газет и конский навоз, несла вниз по улицам. Спешила. Мимо

магазинов и лавок, через Базарную площадь, под стенами-акведуками Серединного города в Окольник и дальше — мимо бараков для рабочих, мимо притонов и игорных домов к окружной стене, спешила нырнуть в желоба, стать грязными водопадами в глиняный карьер и в огороды.

За ночь город сковывало морозом, и поутру, выбеленная первым инеем, Северная Варта была почти хороша. Но к обеду иней вновь превращался в воду и город погружался в грязь.

Мирослав Третий Проклятый снял позолоченные очки, потер переносицу и поднялся из-за стола. Портьеры были раздвинуты, чтобы впустить в кабинет остатки дневного света. Царь оправил фрак и манжеты рубашки и подошел к окну.

Каминные часы пробили два часа пополудни. На подоконнике собралась лужица воды. Мирослав растер ее, встряхнул рукой и посмотрел в окно.

Вот оно, его царство: от стен дворца до внешней городской стены. Город-крепость. Город-государство. Царский двор на месте старого форта. Серединный город, обросший новыми этажами, втиснутый в узкие улицы, как панночка в платье не по размеру. И Нижний город — он же Окольник — место, где не живут, а выживают.

Триста лет назад Северная Варта была временным поселением беглецов. В долине шла Вторая Чародейская война. Люди поднялись в горы, чтобы переждать битву, перевязать раны, спрятать детей и женщин. Неделя шла за неделей, но сражения в долине не утихали. Чародеи жгли леса и испаряли реки, превращали города в пыль, а людей — в птиц. Беглецы остались в лагере. Лагерь стал поселением, поселение — деревней, деревня — городом. Северная Варта поползла по склону, как пена с закипающего молока. Из долины приходили новые беглецы, население росло, люди разрабатывали гору, добывали медную руду. Поля битв оцетинились лесами, покрылись болотами, а жители Варты уже не думали возвращаться назад.

Мирослав перевел взгляд на запад.

Над заводскими бараками Окольника поднимаются трубы мертвых заводов. Освещает пустые цеха кровь солнечного бога. Дыхание бога-кузнеца наполняет легкие машин. Краснеют от жара печи, готовые пожирать руду, но людям нечего дать им. Руда в горе иссякла три месяца назад, и люди не в силах это исправить.

В Яблоневаем Крае правят боги. Ина и Ян создали Край из зерна Великой Яблони. Подняли с океанского дна континенты, заселили их животными, птицами и людьми. Управлять новым миром оставили своих детей, богов-сиблингов: Ярока-солнце, Марину-море, Марка-кузнеца, Лешего-лес, Мокошь-судьбу и Анку-смерть. В помощь людям лучших и благороднейших из смертных наделили даром чародейства. А затем демиурги ушли создавать новые миры, оставив несовершенных детей одних.

За следующую тысячу лет чародейские войны почти уничтожили Яблоневый Край. Ушли под воду континенты, рассыпались в пыль горы, озера стали морями, моря превратились в пустыни, перемешались народы, провалилось в Царство Мертвых южное полушарие. Мир разваливался на части, но тут вмешались боги.

Они сплели паутину канатных дорог, соединив лесные города с Побережьем. Леший накрыл изувеченную землю лесом, спрятал шрамы. Ярок дал кровь, чтобы осветить города. Марк-кузнец — дыхание, чтобы вдохнуть жизнь в железные машины. Люди снова строили города и не боялись рожать детей, но...

Боги дают, они же отбирают. Лесные города, пойманные в ловушку собственных стен, выживали, лишь добывая металлы и производя железные машины. Их обменивали у городов Побережья на зерно, овощи, фрукты, бумагу, ткани и тысячи других нужных вещей. Без руды Северной Варте нечего предложить Побережью. И вот горят в храме

Марка-кузнеца дорогие свечи из южного воска, гниют на алтарях фрукты, но бог молчит.

Мирослав потер глаза и вышел из кабинета.

Ветер гнал с севера тяжелые, беременные дождем облака. На каретном дворе его встречал особый отряд гвардейского корпуса. Генерал-лейтенант Хилькевич отдал честь и открыл дверцу кареты. Мирослав, не глядя по сторонам, запрыгнул в подготовленный экипаж. Дверь за ним закрыли, и царь плотно задернул шторы. Карета тронулась.

Было два часа пополудни, но за плотными шторами в карете сгустился полумрак. Мирослав начал засыпать, когда они наконец остановились.

Башня возвышалась над городом, как черная свеча на алтаре. Никто уже и не помнил, откуда взяли этот известняк в их части Яблоневого Края. Камень обладал редким даром сдерживать колдовство, отчего ходили легенды, что башню выстроили первые боги. Здесь Мирослав хранил чародейские книги. А еще здесь жила Надежда, старшая дочь, которую горожане шепотом называли Проклятой...

Семнадцать лет назад царица обещала своего первенца богумертвецу в обмен на услугу. Девочка родилась раньше срока, и никто не ожидал, что она выживет. Во дворец не звали жрецов, не трубили в трубы, не устраивали фейерверков.

Прошел день. Прошла ночь.

Пришлось звать кормилицу, потому что девочка кричала, держалась за жизнь, а бог так и не явился. Мирослав приказал забрать ребенка в Черную башню, подальше от жены, которую детский плач сводил с ума.

Прошла неделя. Еще одна. Закончился месяц.

Город делал вид, что ничего не произошло. Царевна крепла и умирать не собиралась. Тогда Мирослав набрался смелости взглянуть в глаза дочери. Взглянул и полюбил ее так, как не любил больше никого в этом мире.

Прошел год.

Царевна Надежда жила в башне, окруженная молчанием горожан и ожиданием скорой смерти. Царица ждала второго ребенка и постаралась вычеркнуть из памяти первого. Втайне от жены Мирослав позвал в Черную башню жриц Мокоши-судьбы. Они предрекли, что царевна вырастет красивой и доброй, а еще сказали, что Наденька станет чародейкой.

Три века назад чародеи почти уничтожили Яблоневый Край, а затем погибли сами. Болезнь пришла с севера, ее принесли птицы и ветер. В один год она поразила всех, в ком была хоть капля колдовства: женщин, мужчин, стариков и младенцев. Жрицы Мокоши говорили, что люди с чародейской кровью продолжают рождаться и поныне, но никто из них не доживает до года. К Надежде, обещанной богу-мертвецу, смерть не спешила. Через четыре месяца царевне исполнится семнадцать лет.

С каждым годом истории о Черной царевне обрастали все новыми подробностями. Мирослав старался защитить дочь от слухов, но они просачивались даже сквозь стены неприступной башни. Говорили, что ребенок принесет смерть всему живому; что она станет человеком-сосудом для мора и чумы; что подчинит себе весь Край, выжжет его, как чародеи прошлого; что уничтожит Серую Завесу, отделяющую Царство Мертвых от мира живых. Говорили... А бог-мертвец, словно дразня человеческую мнительность, не являлся.

Мирослав вышел из кареты.

Башню окружала каменная ограда. На небольшом плацу перед входом в башню выстроился караул. Сержант Любава Когут, начальница внутренней охраны, выступила вперед, ожидая приказов.

— Как сегодня ее высочество? Здорова? Хорошо ела?

— Так точно, ваше величество.

Они пересекли двор и зашли в темное помещение башни. Широкая винтовая лестница уходила вверх.

Комната под крышей башни запиралась снаружи, но, из уважения к царевне, было принято стучать. Мирослав ударил три раза. Подождал.

— Да! — раздалось из-за двери.

Сержант Когут отперла замки, и царь вошел.

Большая круглая комната под крышей башни была вразнобой заставлена книжными шкафами, стопками цветочных горшков и пустыми мольбертами. В воздухе стоял запах акварели, сырой земли и пыли. У восточной стены, как пристань в Цветном море, стояла кровать. У западной — письменный стол.

Комната больше походила на склад, чем на девичью спальню, но Мирослав уже привык. Надя обожала делать перестановки. В маленьком мире, ограниченном комнатой и садом на крыше, эти перемены создавали видимость свободы. Мирослав, испытывая угрызения совести, рад был потакать нехитрым прихотям дочери. Он нанимал художников, которые расписывали стены жар-птицами и единорогами; заказывал для кукол точную копию дворца; покупал на островах шелковые обои... Все что угодно, лишь бы возместить отсутствие свободы и любви!

— Папа, это вы!

Царевна отложила книгу и поспешила навстречу отцу.

Наденька была невысокой и тоненькой, как молодая ива. Черные косы уложены короной вокруг хорошенькой головки. В светло-карих глазах, окаймленных густыми ресницами, виден ум. Губки как лепестки пионов и аккуратненький носик подчеркивали ее миловидность. Портили прелесть юной царевны лишь обломанные от работы в саду ногти и болезненная бледность лица.

— Я не ждала вас! Ужасно, что вы видите этот беспорядок!

— Не страшно, дорогая. Найди мне какой-нибудь стул.

Царевна сняла передник, измазанный зеленью, бросила на стол поверх учебников, смахнула с дивана ворох разноцветных штор и мебельных обивок и усадила отца.

— Приказать подать чаю?

— У меня мало времени, милая. Лучше расскажи, как успехи в учебе. Тебе нужно что-нибудь?

Она улыбнулась, присела на край дивана, сжала руки на коленях.

— Спасибо, папа, у меня все есть. Пан Рукша принес новые книги. Он рассказывал, что ему доставили их с самого Побережья. Очень красивые.

— Вот и чудесно, милая. Может, что-то еще? Я слышал, твой карликовый апельсин не вынес наших холодов?

— Не вынес... — грустно улыбнулась Наденька. — А как наш урожай в этом году? Собрали?

Царь помрачнел:

— Собираем. Дожди мешают.

— А как же бал? Отменят?

— Ни в коем случае!

— Я жду фейерверков. Было бы чудесно в этом году добавить алого и желтого. Вот бы еще дождь не собрался!

Мирослав слушал ее щебет и сам не понял, когда стал улыбаться. Надежда разложила ткани, затем подхватила, унесла куда-то за ряды шкафов, вернулась, уселась на полу у ног отца.

— В этом году будут сватать Василису? Я слышала, что у короля Веита двенадцать сыновей. Вот бы нам породниться с Побережьем!

— Не думаю, что он захочет взять ее в невестки. Брак королевских особ это всегда сделка, дорогая. Им она не выгодна.

— Неужели король Веит ни одному из двенадцати сыновей не позволит жениться по любви? Вы же позволяете Василисе выбрать себе мужа?

Мирослав улыбнулся:

— Просто я безмерно люблю своих девочек.

— Тогда я могу в этом году приехать на бал?

— Нет.

Мирослав растерялся от неожиданного вопроса, поэтому ответил резче, чем хотел.

— Почему?

Царь помрачнел. Именно из-за таких вопросов он все реже навещал дочь и все быстрее заканчивал встречи.

Когда царевне исполнилось шесть, она начала спрашивать. О себе, о своем заточении и о башне. Почему живет здесь одна? Почему не приходят сестра и мама? Как долго ей быть здесь?

Пришлось выдумать для девочки красивую сказку. Мирослав солгал, что есть пророчество: приедет королевич, женится и заберет в свой дворец, а до тех пор Надежда не может выйти из башни, иначе умрет. Девочка поверила. Десять лет она тихо жила в башне, прилежно училась и ждала суженого.

Четыре языка, арифметика, география и история. Мирослав не ограничивал дочь в знаниях. Надя прожила в заточении семнадцать лет, на что еще ей тратить силы и время? Но время шло. Все сложнее лгать ей в глаза, да и она все меньше верила в ложь.

Наденька не умела скрывать чувств, и Мирослав видел — с прошлого дня рождения ее что-то тревожит. Она не рассказывала о своих тревогах, но все требовательней становились ее вопросы и взгляд.

— Как долго я буду ждать своего суженого, папа?

— Ты знаешь, милая, есть пророчество! Мы не можем его послушаться!

— Папа, если это лишь сказка, вы скажете мне? Я уже не ребенок, у вас нет причин ограждать меня ложью.

— Есть пророчество...

— Разве мой суженый не должен увидеть меня, чтобы влюбиться? Никто не постучится в дверь комнаты, расположенной на верхнем этаже такой высокой башни!

— Это воля богов, а не моя прихоть. Будь послушна, и твое терпение вознаградится.

Надя хотела добавить что-то еще, но сдержалась. Закусила губы, глотая необдуманные слова. Мирослав ждал, но дочь молчала. Тогда он поднялся.

— Что ж, дорогая, мне пора.

— Конечно, папа.

Мирослав поцеловал дочь в лоб и вышел. Он понимал, что разговор не закончен, но продолжать его не мог.

Когда дверь за царем закрылась, царевна села на диван и закрыла лицо руками. Не плакала. Время для слез прошло, хотя молчание отца и его ложь разбивали ей сердце.

... Это было чуть меньше года назад.

Надя привыкла к голосам караульных из-за двери. Они дежурили там днем и ночью, часто болтали. В ночь накануне дня рождения Надя была лихорадочно возбуждена и, как обычно, ожидала чуда. Она лежала в темноте, ловила каждый звук, ждала...

— Когда она уже сдохнет?! — в сердцах воскликнула за дверью Любава.

Надя подумала, что ослышалась.

— Тише! Услышит!

— Хорошо бы.

— Любава!

— Сколько лет мы стоим здесь, Рута? Шесть?

— Хватит...

Сердце Нади забилося в груди как бешеное.

— Быстрее бы сдохла! Неужто правда верит в королевича на волшебном коне? Ей сколько? Шестнадцать? Мажья кровь, а мозгов нет.

Царевна заставила себя сесть и вслушаться в разговор. За дверью презрительно хмыкнули.

— Откуда мозги-то? Она здесь с рождения сидит, ничего кроме баек отца не слыхала. Что наплетет — в то и поверит.

— Слушай, а может, нашептать ей? Скажем, что она чародейка, что, ежели об землю ударится, — птицей станет. Может, прыгнет с крыши-то?

Снова смех. Надя опустила ноги на пол, встала с кровати. Она не верила собственным ушам, ей казалось, что это дурной сон, и она ущипнула себя за запястье. На глазах выступили слезы. Нет. Не сон.

— Царь услышит — покатытся наши головушки, — заметила Рута.

— Не покатытся. Разве переведет на стены, а сюда новых дурех возьмут. Орден Доблести ему в затылок дышит. Если хоть один человек из-за Надьки пострадает — и царю недобровать. Подпалят дворец, как есть подпалят.

Помолчали.

— Думаешь, слышит нас? — спросила Рута.

— Хотелось бы, — зло процедила Любава, — да навряд ли. Люди по всему городу мрут как мухи, а ей сладко спится. Ни души, ни мозгов, ни совести. Проклятая тварь!

Царевна сжалась. Женщины за дверью замолчали.

Много времени прошло с тех пор. За этот неполный год она увидела и услышала много такого, что раньше ускользало от внимания. Как отец отводит взгляд, как кусает губы пани Ожина и брезгливо морщится от ее случайных прикосновений пан Рукша. Надя до сих пор не знала, за что ее ненавидят. Отец продолжал лгать, наставники — уходить от разговора.

Под потолком назойливо жужжала поздняя муха, раздавались голоса стражниц из-за двери, неспешно танцевала в воздухе пыль. Было душно. Она встала и прошлась по комнате.

Больше Надя не стремилась стать женой сказочного королевича. Возможность тихо жить на краю мира — без дворца, без принцев, без башни-тюрьмы — представлялась сказкой. Ходить по улицам, разговаривать с людьми, смотреть на море — такими отныне были ее заветные желания.

Вот только никто, кроме нее, не исполнит их.

Царевна поднялась по лестнице на чердак, узкий и темный, как шкаф, а затем — на крышу. Здесь в глиняных кадках рос ее сад.

Фигуры, каламондины, карликовый боярышник и апельсины. Все аккуратно подрезанные, ухоженные, почти кукольные в своей искусственной красоте. Царевна прошла мимо кадок и теплицы, подошла к зубчатому парапету и остановилась, глядя на город, раскинувшийся у подножья башни.

Часы в комнате внизу пробили четыре часа пополудни. На Северную Варту уже опустился темный осенний вечер. Ветер разогнал облака. На синем небе разгорались первые звезды. Далеко на востоке двигались над землей как светлячки кабинки канатной дороги, на западе сиял огнями царский дворец.

Иногда Надя представляла, как живет там с мамой, папой и сестрой. Когда она была маленькой, то играла в эту игру. У ее кукол имелась точная копия дворца. Маленькая игрушечная Надя жила в западной башенке, и когда гасили свет, она представляла, что за дверью ждут не стражники, а слуги. Родители спят в конце коридора, и можно прямо сейчас встать и пойти к ним, прижаться к маме, пожелать ей спокойной ночи...

Теперь она стала взрослой. Надя перестала ждать, когда придет мама. Перестала мечтать, что отец заберет ее из башни. Через четыре месяца ей исполнится семнадцать, и теперь царевна смотрела в другую сторону. Туда, куда уходила в темноту канатная дорога.

С тех пор как Надя услышала разговор караульных, она думала о побеге. Просочилась водой сквозь пальцы весна, за ней ушло лето... Так вся жизнь убежит водой, и никто ничего не изменит. Если пророчества нет, то когда закончится ее заточение?

Решение далось легко, но она долго все обдумывала. Внутри башни всегда находились солдаты, пройти мимо незамеченной не выйдет, не стоит и пытаться. Оставался путь по стене.

Она никогда не покидала стен Черной башни, но Надя была девушкой умной, с большой фантазией и прекрасно понимала, что в платье ей по стене не спуститься. Хорошо бы иметь форменную одежду, как у охранниц, но это было невозможно.

Пользуясь советами из «Вестника моды», набором золотых иголок для вышивания и старыми платьями, она четыре месяца шила и перешивала костюм для побега. Рубашку переделала из укороченной ночной сорочки, пошила незамысловатую сумку, которую намеревалась бросить сразу после побега, и оставались брюки.

Брюки не давались.

Она перепробовала множество способов, пока смогла сделать такие, что не разойдутся по швам, пока она будет спускаться по стене. Для верхней одежды Надя присмотрела мужское пальто, оно ей очень нравилось, но скроить и пошить его сама не смогла, и от этой мысли пришлось отказаться. Наконец все было готово.

Заканчивался второй месяц осени, откладывать побег больше нельзя. У нее лишь одна попытка, и если поймают, то стражники не спустят с нее глаз до скончания времен.

В среду с самого утра было морозно и тихо. Даже ветра не было. Надя так волновалась, что ничего не могла съесть на завтрак.

К девяти утра пришла пани Ожина. Они с Надей провели два урока грамматики — аринский и гроенский языки. Потом был урок живописи и перерыв на чай.

Начался дождь, и царевна с облегчением выдохнула.

Пани Ожина пережидала вместе со стражницами в казарме этажом ниже. Когда она вышла, Надя подошла к оставленной сумке с нитками и записями. Шелковый кошелек был заношенным, уголок порвался и уже не раз штопался. Денег — медяков и потемневших от времени серебряных монет с профилем отца — в нем было мало, но Надя

не могла позволить себе позор. Она зубами прокусила нитки, разрывая старую заплатку, бросила один медяк обратно в сумку и спрятала под подушкой остальное. Чтобы не вызывать подозрений, Надя заставила себя съесть весь обед. Гувернантка вернулась, и занятия продолжились до двух часов.

Пани Ожина ушла. Пришел пан Рукша.

География и арифметика прошли незамеченными. Надя слушала, но не понимала. Пан Рукша заподозрил неладное. Смотрел прищурившись.

— Ваши мысли заняты чем-то иным, ваше высочество?

— Простите. Женское недомогание. Ничего, если я сегодня отдохну?

Пан Рукша покраснел и поспешил закончить уроки.

К семи часам вечера дождь сделал передышку. В небе стали появляться проталины чистого неба. Ужин не лез в горло. Надя съела салат и сдалась. Время застыло, как вода в стужу. Минуты тянулись невыносимо долго. Царевна трижды проверила сумку, пыталась читать и наконец заснула в кресле. Проснулась рывком, испугалась, что пропустила все на свете, но, оказалось, что часы только пробили полночь. Ее короткий сон был на пользу: теперь Надя чувствовала себя бодрой и собранной. Она тихо подошла к двери и прислушалась.

Караульные обсуждали урожай, до царевны им дела не было.

Надя переоделась в подготовленную одежду: рубашку, брюки и жакет; сложила в сумку теплое платье, еще один жакет, перчатки и шляпку; составила на кровати ворох тканей под одеялом и вышла на крышу.

Ночь была пронизывающе холодной. Снова начался дождь. Надя забросила за плечи сумку, достала спрятанную в цветочной кадке веревку и подошла к краю крыши. Она обвязала веревку вокруг зубца парапета, дважды проверила узел и подошла к краю.

В жизни под крышей было одно важное преимущество — Надя не боялась высоты.

Царевна села на край парапета и свесила ноги в пустоту. Взялась за веревку двумя руками, повернулась лицом к башне и прыгнула.

На короткое страшное мгновение она зависла над темной землей, веревка натянулась, но выдержала. Царевна уперлась ногами в стену и стала медленно спускаться вниз.

Дождь быстро промочил ее до нитки. Надя боялась, что и руки соскользнут, потому что ноги скользили. Дважды она зависала на веревке, падение останавливали узлы, за которые она хваталась. Ладони стерла до крови. Силы быстро уходили, хотелось разрыдаться от усталости, но она сжимала веревку, готовая вгрызаться в нее зубами. Царевна пообещала себе, что ни дня больше не проведет в башне!

Она сжимала веревку, переводила дыхание и продолжала спускаться.

Дождь мешал, но и укрывал от посторонних взглядов. Стражницы прятались в башне, солдаты почти не выходили из караульного помещения.

Надя смотрела лишь в стену перед собой и думала только о веревке в руках, поэтому, когда ноги коснулись земли, сама себе не поверила. Она стояла на каменной площадке перед башней, но еще несколько минут не выпускала веревку. Хотелось заплакать от облегчения, но царевна понимала, что время радоваться еще не пришло.

Черную башню и плац окружала каменная ограда выше человеческого роста. Надя добежала до нее в месте, где между нею и караульным помещением была башня. Перевела дыхание и схватилась за выступающие камни. Поставила правую ногу в углубление в стене и рывком поднялась на ограду. Подтянулась. Еще раз. Схватилась руками за верхушку стены и с огромным трудом вскарабкалась на нее.

Надя замерла, отдышалась, всмотрелась в улицу за оградой.

Со стороны караульного помещения шел солдат. Голову он не поднимал, сутулился, спасая от дождя шею. Он

остановился недалеко от царевны, справил нужду на стену и вернулся к своим.

Надя переждала еще минуту, потом зависла на вытянутых руках с внешней стороны, разжала пальцы и неловко приземлилась на мостовую. Не веря в собственную удачу, царевна выпрямилась и поспешила по мокрым улицам в сторону канатной станции.

Дождь закончился. Потоки воды несли вниз по улицам опавшие листья и нечистоты. Царевна остановилась, когда Черная башня затерялась среди крыш. Она завернула в подворотню, сняла мокрый жакет, достала из сумки платье и надела поверх брюк и сорочки. Затем надела сухой жакет, перчатки и шляпку. Сумку с мокрой одеждой оставила здесь же.

Ночью в Серединном городе было пусто. Надя прошла мимо запертых лавок, через пустую площадь и повернула по улице вниз. Наконец можно было перевести дыхание, башня осталась позади и нужно лишь дойти до станции канатной дороги, чтобы начать новую жизнь, но... Она так привыкла к своей комнате под крышей, к стенам, к окнам, что на пустой улице ей нечем было дышать.

Надя оперлась руками о стену скобяной лавки и попробовала отдышаться, но легче не стало. Улица за спиной казалась наполненной враждебными взглядами, шепотом. Надя повернулась к ним лицом, вжалась в стену. За спиной никого не было, но она кожей чувствовала несуществующие взгляды. Ей казалось, что воздуха вокруг слишком много, он наваливался на нее, топил. Царевна начала задыхаться. Она сползла вниз, уткнулась лицом в колени, сцепила руки.

Что же делать дальше?

«Еще чуть-чуть! Посиди так еще немного!» — умолял трусливый внутренний голос.

Можно сидеть здесь вечность, но никто не придет на помощь, не посочувствует, не возьмет за руку. Царевна

заставила себя подняться. Держась за стену, пошла по улице. Шаг вперед. Еще один. И еще!

Она не останется в этом городе. Вопреки увещаниям отца, вопреки собственному разуму. Ни дня больше не будет покорной узницей! Если нужно — поползет по этой улице!

Шаг. Еще один. Понемногу удушье стало отступать.

Серединный город закончился. Надя прошла под аркой каменного акведука и оказалась в Нижнем городе, в Окольномике. Где-то здесь была станция канатной дороги.

Пани Ожина говорила, что здесь живут рабочие. Надя ожидала увидеть темные дома, где люди спят после трудного дня, но, несмотря на поздний час, здесь былолюдно. На деревянных вывесках были выцарапаны кубики с точками и женщины с обнаженной грудью. Улицы нижних кварталов были полны дурно пахнущих, веселых людей. Пан Рукша говорил, что в городе не хватает хлеба, но почему тогда люди так веселятся? Если бы ей грозила голодная смерть, она бы вряд ли думала о развлечениях! Отчего же люди в Окольномике веселятся как в последний раз? Она не понимала.

Снова навалилось удушье. Надя несколько раз свернула не туда и окончательно заблудилась.

Мужчина в потрепанной грязной одежде преградил ей дорогу, дыша в лицо чесноком и самогоном, потянул руки к груди.

Надя взвизгнула и резко повернула в подворотню, наткнулась на мужчину, справляющего нужду, перепрыгнула кучу мусора, побежала дальше по переулку. Здесь воняло мочой, из-под ног выпрыгнуло что-то облезлое: или тощий кот, или большая крыса. Она выбежала на следующую улицу и остановилась.

По правую руку стояли глухие беззаконные склады, по левую — двухэтажные здания контор. На всю улицу горели лишь два фонаря, в начале и в конце. Прижавшись между складами и конторами, в тупике стояла харчевня.

На деревянной вывеске было выцарапано: «Сытый заяц». Рисунок толстого зайца, похожего на крысу, подкреплял надпись.

В окнах горел свет, но пьяного кутежа слышно не было. В воздухе пахло свежеструганными досками, мокрыми листьями и супом. Надя вдруг поняла, что хочет есть. Двери были не заперты, и царевна вошла.

Внутри горели свечи. В дальнем углу был сооружен алтарь: стол накрыли черной скатертью, украсили хризантемами, ветками ели и черными лентами. На столе стояла глиняная фигурка одного из богов, тарелка с двумя зелеными яблоками и бутылка вина.

Слева от входа сидели трое мужчин. Они бросили на девушку хмурые взгляды, но приставать не стали. Остальные места были пусты. Пахло гречневой кашей и кислой капустой. В животе у Нади заурчало.

Прямо перед входом была лестница на второй этаж. Хозяин услышал, как хлопнула входная дверь, и теперь спускался посмотреть на позднего посетителя.

— Доброй ночи. Вы работаете?

— У нас траур, панночка. Или вы алтарь не видели?

— Но двери были открыты...

Хозяин раздраженно посмотрел на ужинающих мужчин.

— Посетители настаивали... Шли бы вы отсюда! — решительно закончил он и даже взял Надю за плечо, чтобы выводить на улицу.

— Не тронь девчонку! — крикнул один из мужчин, вставая со стула.

— Шла бы ты, девка... — процедил хозяин сквозь зубы.

— Я останусь, — решила Надя.

Поздние посетители были заняты разговором и не смотрели больше в их сторону. По сравнению с улицами, где она сегодня бродила, здесь было спокойно и безопасно.

— Дай каши, хозяин. Поем и уйду.

Харчевник недовольно покачал головой, но гнать больше не стал. Он принес тарелку обжигаяще горячей каши с салом, с зажаренным до черноты луком и кружку кваса.

Надя наугад протянула серебряную монетку с профилем отца. Хозяин принес сдачу, еще раз бросил недовольный взгляд в сторону тихой компании у противоположной стены и ушел.

Надя принялась за еду.

Это было ее первое блюдо, приготовленное не царским поваром. От кваса Надя немного захмелела. Она была так погружена в свои мысли, что не обратила внимания, как поздние посетители покинули стол и пошли к двери.

Надя рассматривала темную улицу за окном, когда один из мужчин схватил ее за косу и стукнул лицом о стол.

Из носа потекла кровь, она не успела опомниться, а ее уже тащили в дальний угол харчевни. Надю бросили спиной на стол-алтарь, покатались по полу яблоки, она ударилась головой о глиняную статуэтку бога. Один из нападавших сдавил ей горло и зажал рот ладонью, второй держал ноги, третий — задира юбку.

Она пробовала вырваться, но держали крепко. Надеяться на помощь было бессмысленно — в харчевне никого не было кроме насильников и глупой девчонки. Рот зажат, нос полон крови, она захлебывалась, задыхалась. Надя поняла, что не имеет значения, чья она дочь и о какой судьбе мечтала. Один необдуманный поступок, одна неосторожность — и не станет ни чести, ни жизни.

Насильник коротко ругнулся, увидев на ней брюки, стал рвать завязки. Надя забилась, как пойманная птица, но вырваться не удалось.

Хлопнула входная дверь. Царевна не могла повернуть голову, видела лишь потолок, но насильники насторожились. Остановились, оценивая нового посетителя. Надя смогла укусить руку, зажимающую ей рот. Мерзавец вскрикнул и ударил ее по лицу. Она надеялась, что посетитель

вмешается, он ведь с порога должен был понять, что происходит, но на помощь никто не спешил. Ей вновь зажали рот. Завязки на брюках поддались, и их начали стягивать.

«Папа! Папочка! Где мажья кровь, когда нужна? Где боги? Где люди?!»

Ее зазнобило. В запястьях, под кожей появилось странное ощущение: кровь наполнялась щекотными пузырьками воздуха. Насильник, держащий ее шею, выругался и отдернул руки, будто обжегся.

Что-то у входа глухо ударило, и в воздухе повис тонкий металлический звон, словно лопнула струна.

Надя ногтями вцепилась в руку, зажимающую ей рот. Ее снова ударили. Беспощадно, кулаком в скулу, затем подняли под руки, стащили со стола и бросили в угол.

— Стой на месте, парень! — рыкнул один из бандитов.

Царевна увидела нового посетителя. Черноволосый, в кожаной куртке и высоких сапогах, какие носят охотники. Он встретился с Надей взглядом, помедлил несколько мгновений и пошел навстречу бандитам.

— Дурак! — процедил сквозь зубы насильник и достал из-за голенища нож.

Незнакомец был высокий, широкоплечий и худой. Он не выглядел, как человек, способный справиться с тремя вооруженными бандитами, и Надя вдруг испугалась, что своим желанием сохранить честь обречла незнакомца на смерть.

— Нет! Не надо!

Но он легко выбил нож у первого, схватив его за запястье и вывернув руку под жутким углом. Хрустнула кость, нож упал на пол, а бандит завыл, хватаясь за безвольно повисшую кисть.

Второй насильник, тот, что минуту назад стягивал с нее брюки, коротко хохотнул, предвкушая веселье. Он был уверен в себе, он пританцовывал на месте и нож держал крепко. Незнакомец остановился, выжидая. Бандит схватил со стола

пустую тарелку, бросил в лицо противнику и сразу же шагнул следом, метя ножом в живот. Надя зажмурилась.

По тому, как грязно он выругался, царевна поняла, что незнакомец не пострадал. Царевна открыла глаза.

Насильник сидел на полу, его нос был расквашен, кровь залила лицо и рубашку. Бандит шумно высморкался в ладонь, размазал сгустки крови по брюкам и попробовал подняться. Черноволосый ударил его ботинком по подбородку. Бандит упал навзничь и больше не двигался. Незнакомец пошел к последнему из мерзавцев.

Щербатый не стал рисковать. Он достал из-за пояса пистолет и выстрелил не целясь, спеша остановить стремительно приближающегося незнакомца. Пуля распоролла куртку, черноволосый вздрогнул, но не остановился. Он уже был рядом с бандитом, перехватил руку, повернул, оружие выстрелило, но пуля ушла в потолок. Черноволосый поднял бандита в воздух и отбросил на стол-алтарь. Ножки подломились, щербатый глухо ударился затылком о пол и затих.

Все заняло не больше минуты.

Надя, онемев, прижималась спиной к стене. В харчевне пахло кровью и гречневой кашей. Никогда в жизни она больше не сможет есть эту кашу!

— Все закончилось, девочка.

Незнакомец остановился рядом.

— Вывести тебя в Серединный город?

— Да.

Она дрожащими руками подтянула брюки, завязала пояс и набросила жакет на плечи, стараясь спрятать разорванный лиф. Незнакомец поднял с пола укатившееся яблоко, положил в карман и закинул за спину рюкзак.

— Пойдем.

На улице он свернул в переулок, Надя — следом. Было темно. Черноволосый двигался быстро и бесшумно, царевна с трудом поспевала за ним. Она несколько раз споткнулась

о раздолбанную мостовую, промочила ноги и наступила на крысу. Ее спаситель спешил вперед, не оглядываясь, совершенно не заботясь о том, следует ли она за ним, и Надя сдалась. Остановилась, оперлась руками о ближайшую стену и тихо расплакалась.

Ей нужно успокоиться и спешить на станцию. Скоро посадка на утренний рейс, нужно торопиться, но она не могла двинуться. Ее трясло, хотелось домой, в башню, запереться в комнате, спрятаться под одеялом и умереть.

Надя не ждала, что незнакомец вернется, но, когда справилась с рыданиями и подняла голову, увидела, что он стоит в нескольких шагах от нее. Молчит и ждет.

— Я в порядке, — сказала она темноте. — Я справлюсь.

— Куда тебе нужно, девочка?

Надя молчала.

— Я не часто помогаю людям. Уговаривать не стану.

— К станции канатной дороги.

Он подошел, крепко взял за руку и потянул за собой.

Надя не знала, видит ли он в темноте, но сквозь узкие темные переулки Нижнего города он двигался быстро и безошибочно. Рука у него была прохладная и сухая. От его ладони, от того, как крепко и уверенно он держал за руку, Наде становилось спокойней.

Они шли около часа. Воздух стал сереть, тускло горели уже ненужные фонари. Они были в квартале от канатной дороги, она была хорошо видна на фоне светлеющего неба. Кабины не двигались, значит, идет посадка. Надя мягко высвободила руку и, обогнав незнакомца, рванулась вверх по улице. Оставалось совсем немного, но... Вагоны дернулись и начали двигаться.

Она не успела.

Далеко на западе над домами возвышалась Черная башня. Возможность упущена, Надя никогда не сможет сбежать оттуда. Никогда.

Ей казалось, что ее оглушили. Надя села на ступени ближайшего магазина и закрыла лицо руками. Слезы сами текли из глаз. Царевна старалась быстро их вытереть, но щеки снова становились мокрыми.

Незнакомец вздохнул и сел рядом, достал из кармана яблоко и с хрустом откусил. Прошло несколько минут. Надя заплакала, успокоилась, вытерла лицо подолом платья.

— Простите. Спасибо за все. Дальше я сама.

Он запустил огрызок в канаву.

— Куда тебе все-таки надо, девочка? Обычно я не предлагаю помощь, но раз уж начал...

— К Черной башне.

— Наверх?

— Наверх.

Она сама удивилась собственной откровенности. Посмотрела на незнакомца.

Ему было около тридцати. Чистое бледное лицо еще не тронут морщинами, но возраст был виден в четком профиле, твердых скулах и подбородке. Волосы коротко подстрижены, как у солдат. Широкие красивые брови, прямой нос, светло-серые глаза и обветренные губы. При других обстоятельствах она нашла бы его интересным.

Незнакомец отвел взгляд первым.

— Думаю, ты поняла, что впредь лучше оставаться в башне?

Не дожидаясь ответа, он встал со ступеней.

— Вставай! Я тебя подвезу.

Он оглянулся по сторонам, проверяя, нет ли случайных свидетелей, и неожиданно свистнул.

Порыв ветра растрепал царевне волосы и, как поземку, погнал по мостовой остатки ночной тьмы. Вниз по улице, к старой акации, раскинувшей ветви-крылья и уже теряющей желтые перышки листьев. Мгла сгустилась в тени ветвей, становилась все плотнее, маслянистее и вдруг обрела форму. По мостовой застучали копыта.

Раньше Надя видела морских лошадей лишь в книжках. В их широтах этим созданиям было холодно. Лошадь была черной, а коротко остриженная грива — синей, как василек, словно ее разукрасили краской.

Лошадь подошла к незнакомцу, и он ласково погладил ее шею. Затем он жестом поманил Надю. Когда царевна подошла, он без церемоний взял ее за талию, посадил на лошадиную спину и запрыгнул сам, заключив девушку в кольцо рук. Лошадь заплясала под седоками, помчалась по улице, трижды ударила копытами по мостовой и взлетела.

Волшебным лошадям крылья ни к чему, но Надя впервые увидела настоящее волшебство и была поражена до глубины души. Внизу плыли черепичные крыши жилых кварталов Серединного города.

Они поднялись так высоко над землей, что линия канатной дороги проплыла под ногами, не дав пассажирам увидеть их. Потом черноволосый пришпорил лошадь, и они быстро понеслись в сторону башни.

Приземлились мягко, прямо на площадку рядом с кадками папоротника. Мужчина спешил, потом снял девушку.
— Не убегай больше.

Надя молчала, опустив голову. Отвечать не спешила. Когда она подняла лицо, на крыше уже никого не было.

Пани Ожина, увидев утром ее лицо, ужаснулась. Приехал отец. Приехал князь Дворжак, начальник городского полицейского управления. Начались допросы.

Надя молчала.

Отец был напуган и зол. Пан Дворжак — вкрадчив и внимателен. Пани Ожина плакала.

Надя молчала.

Допрашивали караул. При царевне и без нее. У всех проверяли руки: искали нападавшего. На короткое мгновение

Надя почувствовала мстительное удовольствие. Стоило указать пальцем — Любава и Рута лишатся голов.

Но Надя молчала.

Ее оставили в покое. Караул внутри башни и охрану во внутреннем дворе сменили. Доказать чью-то вину не смогли, так что наказывать было некого. На том и закончили.

Царевна простудилась. Больше недели ее мучил жар и кашель. Пани Ожина ночевала в башне, охраняя покой царевны. Возможность бежать была упущена. Надя сердилась на себя за доверчивость, наивность и неосторожность. Ее высокое происхождение и большие планы на жизнь не отведут беду! Случиться всякое может даже с хорошими девочками, так как же она могла быть настолько беспечной?!

Шестнадцать лет в одной комнате... Что она знала о людях за стенами башни? Как решилась выйти туда?

Ее учили географии, она знала три языка, умела писать, читать и считать, знала правила этикета, но о жизни — ничего. Помимо учебников у Нади была лишь книга сказок и легенд, изданная десять лет назад для девочек из благородных семей. О добре и зле в книгах писалось однозначно и понятно. Такими она ожидала увидеть их и в жизни. А если злодеи не выглядят злодеями, а добрый человек калечит людей? Как понять, кому верить? Как не испугаться мира за стенами башни до смерти?

Надя ждала кошмаров. Сны вообще были сложной частью ее жизни, о которой она боялась с кем-то говорить. Сердцем она чувствовала, что ни отцу, ни пани Ожине не понравится то, что она видит в снах.

Армия мертвых за ее спиной, страшных, готовых вцепиться в горло всему живому, но совсем не пугающих ее. Сны, где она — черная птица, которая летит все дальше и дальше на север, и от тени ее крыльев там, внизу, умирает земля. Сны, где она запирает огромную тяжелую дверь, оставляя за ней уязвимых спящих людей. Запирает навсегда.

Без сожаления... И сколько бы Надя ни рисовала на стенах комнаты розовых единорогов — сны добром не наполнялись.

После всего пережитого она ждала новых кошмаров, но их не было. Восторг от полета, первого в жизни, вытеснил страх. Ей снилась черная лошадь. Они поднимались все выше и выше, от высоты перехватывает дыхание, а впереди вырастала из моря белоснежная вечная яблоня и от ее ветвей зеленело небо...

Мирослав Третий закрыл за собой дверь кабинета, подошел к дивану, сел и устало потер переносицу. Время близилось к полудню, но зимние тучи затянули небо, лишая город света. Он, сам того не замечая, прошептал молитву, и под толчком засветилась лампа Ярока. Привычно отмеряли время часы. Пахло кожей и сигаретами.

Мирослав поднялся с дивана, подошел к письменному столу и достал из ящика серебряный портсигар.

— Приведи ее на бал!

Мирослав вздрогнул и обернулся.

Красивая светловолосая женщина вышла из стены и села на диван. У Мирослава мороз пробежал по коже. Он никогда не видел ее раньше, но узнал сразу.

Мокошь-судьба.

Он медленно опустил руки, перевел дыхание.

— Оставьте ее! — попросил Мирослав. Попросил всей душой, как никогда раньше. — Заберите меня! Мною началось — пусть мною и кончится!

Богиня покачала головой.

— Поздно. У каждого своя судьба, царь. Приведи девочку на бал или быть беде. Для тебя. Для твоей жены и младшей дочери. Для города. Для всего Края.

Он опустился перед ней на колени, но богиня уже исчезла.

Мирослав заплакал.

Суматоху с утра устроила пани Ожина. Это она привезла неожиданные вести: Надя едет на бал.

— Как отец решился?!

— Я удивлена не меньше вас, ваше высочество.

— Пани Ожина, мы достанем за два дня платье?

— Постараемся, ваше высочество.

Платье нашлось. Его перешивали по меркам, без царевны, обещали привезти утром в день бала, но опаздывали. Надя волновалась, не могла засунуть в себя даже ложки каши. Пани Ожина, приехавшая к десяти утра, была страшно ею недовольна.

— Не хватает только, чтобы вы рухнули в голодном обмороке прямо в бальном зале, ваше высочество! Или чтобы у вас заурчало в животе во время танца!

Надя съела остывшую овсянку, яблоко и булочку. Запила холодным чаем.

Потом гувернантка отправила ее купаться и мыть волосы. А затем сама занималась ногтями царевны, вздыхая, что работа в саду вконец испортила ей руки.

Платье привезли в полдень. Атласное, голубое, расшитое лентами и шелковой вышивкой. Такую прелесть Надя видела раньше лишь в журналах мод. Пани Ожина затянула корсет и помогла надеть платье. Затем уверенными движениями собрала волосы в тугую прическу, а чтобы они не вздумали выбиться, вогнала в уложенные на затылке косы сотню шпильек. Надя чувствовала себя подушечкой для булавок. Из шкапулки царевна достала нитку черного жемчуга и наконец подошла к зеркалу — на нее смотрела незнакомка. Красивая, взрослая.

Царевна обняла себя за голые плечи, и незнакомка тоже поежилась, взволнованно всматриваясь в глаза Наде.

Пани Ожина протянула ей веер и маску.

— Не забудьте, ваше высочество.

Бал-маскарад затеяли ради царевны. Она не покидала раннее башни, но была похожа на родителей и ее могли узнать. Надя послушно взяла маску, подержала в руках. Незнакомка в зеркале выглядела испуганной. Пани Ожина ободряюще улыбнулась, ласково пожала ей пальцы.

В дверь постучали.

Мирослав долго смотрел на дочь, потом крепко обнял.

— Папа, все в порядке?

Он не ответил, поцеловал ее в макушку.

— Вас сопроводят. Пани Ожина, не отходите от ее высокого ни на шаг.

Наставница послушно кивнула.

— Увидимся после бала, милая.

Царь вышел, и от Нади не ускользнуло, как он прятал взгляд. Она хотела подумать об этом, но пани Ожина не оставила ей времени.

— Сейчас принесут полдник. Обязательно все съешьте, а я отправлюсь к себе, мне тоже нужно переодеться. Встретимся в карете. Ничего не бойтесь и берегите платье.

Надя послушно кивнула.

Есть полдник она не стала, боясь испачкать платье. О поведении отца Надя уже забыла, поглощенная мыслями о бале. В половине пятого в дверь вежливо постучали. Царевна набросила плащ, взяла в руки маску, перчатки и вышла из комнаты.

Она совсем не так представляла себе полицейский эскорт. Надя ожидала увидеть сутулых мужчин средних лет в зеленых мундирах, а увидела шутов! Угадать их возраст было невозможно — лица покрыты толстым слоем разноцветного грима. Они были одного роста и одного телосложения, один в трико красно-синего цвета, второй — желто-лилового.

Коридоры были пусты. На день отсюда удалили всех из внешней и внутренней охраны. Шуты вывели царевну на улицу. Было холодно, сыро, пахло сухими листьями

и дождем, но оглядеться ей не дали. Карета подъехала к самым дверям, и спустя пять секунд царевну уже усадили в нее.

Пани Ожина была в карете. Она осмотрела платье царевны, поморщилась, глядя на растрепанную прическу. Охранники качнули карету, запрыгивая на запятки, и они поехали.

Лошади неслись слишком быстро для узких улочек, полных народа. Кучер ругался, гнал прохожих из-под колес, но скорости не сбавлял. Они замедлились, лишь когда пересекли ворота Серединного города. А у Базарной площади карета встала.

Один из шутов тут же открыл дверь и сел в карету к женщинам, второй пошел разузнать причину задержки. Надя пергнулась через наставницу и выглянула в окно.

Вокруг площади тускло горели фонари. Торговля давно закончилась, но люди не расходились. Толпа гудела, выкрикивала что-то. Пани Ожина, похоже, расслышала больше царевны, потому что резко задернула шторы.

— Сядьте прямо, ваше высочество, — сказала она таким голосом, что Надя почти увидела побегом по стеклам иней.

Вернулся второй охранник. Он ничего не сказал, но бросил хмурый взгляд на Надю. Потом сел напротив и достал из-под каретных подушек пистолет.

Пани Ожина непроизвольно закрыла Надю рукой, но полицейский лишь криво усмехнулся и оправил шторы. Второй мужчина тоже достал пистолет.

Наде стало страшно. Из разговоров стражниц она знала, что в городе второй месяц не утихают волнения, но не думала, что дела так серьезны.

После дождей часть урожая сгнила в полях, торговцы подняли цены, взволновав и возмутив горожан. Люди требовали помощи от казны и заступничества от царя. Похоже, они не получили желаемого...

Царевна посмотрела на пани Ожину. Наставница сидела прямо, не убрав защищающей Надю руки, смотрела поверх головы полицейского, и Надя вжалась в диван.

Кучер повернул обратно. Они вновь спустились к акведукам Серединного города, там к ним присоединился дополнительный конный эскорт. Возвращаться к Базарной площади не стали. Объездной путь занял больше времени, и когда они подъехали к дворцу, бал уже начался.

Карета остановилась у парадного подъезда.

Здесь было множество карет. Пройти город пешком не составило бы труда, но для городской знати приехать на бал в карете вопрос престижа. Надя рассматривала лошадей.

Гнедые, вороные и рыжие; коренастые, с длинными гривами и умными глазами. Они не могли сравниться с морской лошадью Надиного спасителя, но царица невольно прониклась к ним симпатией.

Кроме котов, в Варте почти не держали животных. Коты ловили крыс и мышей, царь запретил их трогать, и они жили на улицах большими ленивыми семействами. Коров держать было негде. Когда-то в городе держали скотину, но, когда он разросся, не осталось мест для выгона и скотоводство пришлось оставить. Охотники — жрецы лесного бога — добывали для горожан оленей и диких уток в лесу, с позволения Лешего, тем город и кормился. Лошадей завозили по канатной дороге с Побережья. Собак держать позволяли себе лишь охотники.

Однажды у Нади тоже был щенок. Он прожил в деревянном домике у нее на крыше два месяца, а потом умер. Любава сказала, что «отравился цветочками». Больше домашних питомцев Надя не заводила...

— Нам пора, ваше высочество!

Царица надела маску и в сопровождении пани Ожины и шутов последовала к главной лестнице.

Дворец, наполненный стеклянными лампами с кровью солнечного бога, сиял как солнце. Стражницы в башне называли такие «кровавками». Лампы разных форм и размеров, дворец украсили ими снаружи и внутри, было светло как днем.

Всего во дворце было три бальных зала: Желтый, Розовый и Зеленый.

Первые два, переходящие друг в друга через широкий арочный коридор, — на первом этаже. Зеленый занимал большую часть второго.

В Розовом зале гости приветствовали друг друга, вели неспешные беседы, угощались закусками и пили игристое вино. В Желтом — тихо переговаривались, ожидая выхода царственного семейства. Отсюда на второй этаж шла широкая мраморная лестница, упирающаяся в большие центральные двери, призывно распахнутые для гостей, слева и справа перед входом в Зеленый бальный зал ответвлялись узкие боковые коридоры, охраняемые гвардейцами.

Герольд представил Надю и пани Ожину как пани Плющ с дочерью Анной из Маринграда. Они прошли по залу и остановились у окна.

Надя сжимала в руке нетронутый бокал вина. Она вдыхала соленый аромат морских закусок, кислый аромат вина и тонкие нити запахов: мускус, амбра, жасмин, ваниль, лимонграсс, кожа — духи. Толпа вокруг была яркой, изысканной: дамы в вечерних платьях, затянутые в корсеты с обнаженными плечами в жемчугах и бриллиантах; мужчины в черных фраках, галантные, улыбчивые. Они бросали заинтересованные взгляды на двух незнакомок, но Наде было не до людей вокруг — перед глазами темнело. Слишком много людей! К ней долетали обрывки разговоров. Толпа вокруг шелестела, шуршала, шептала. Надя вежливо улыбалась пани Ожине и старалась не показать, как ей плохо. Наде казалось, что воздуха в зале уже не осталось.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Надя попробовала отвлечься. Она стала рассматривать людей вокруг. Молодая женщина в голубом и юноша в лиловом мундире оживленно обсуждали что-то, стоя у окна напротив. Сердце Нади забилося быстрее. Юноша стоял к царевне

вполоборота, и она могла вдоволь налюбоваться им. Высокий и широкоплечий, светлые волосы выгорели под южным солнцем до белизны, большие синие глаза, высокие скулы...

Надя отвела взгляд. Это не для нее. Все осенние балы принадлежат Василисе. Надю ждет другая судьба, она выбрала ее сама — маленький домик на острове Вит.

Она тронула пани Ожину за локоть.

— Так много людей... Пожалуйста, выйдем на балкон!

Пани Ожина взяла царевну под локоть и стала пробираться сквозь толпу к выходу. Надя случайно задела плечом прекрасного юношу, он рассеянно посмотрел на нее.

— Простите, — смущенно сказала царевна, но между ними уже засмеялись, заплясали шуты, мешая разговору, и пани Ожина увлекла ее через толпу к выходу на балкон.

Они так и не успели выйти из зала, как герольды заиграли в трубы. В зале мгновенно наступила тишина.

— Царь Мирослав с супругой Тамарой и дочерью Василисой!

У Нади сжалось сердце.

— Выйдем? — участливо спросила пани Ожина.

Надя отрицательно покачала головой. Гости почтительно расступались, пропуская царственное семейство через Желтый зал. Царь, неся на губах тень вежливой улыбки, вел под руку жену.

У Нади больно кольнуло в груди.

Царевна давно вычеркнула мать из сердца. Уже целых полтора года она не ненавидела ее и не мечтала о встрече, почти заставила себя считать ее мертвой, но сейчас сердце сжалось, потому что Надя была копией матери, только младше на двадцать лет.

Черные, густые волосы царицы Тамары заплетены в косы и уложены на затылке. Карие глаза в камышах черных ресниц смотрят жестко и пристально. Никто и ничто не ускользнет от их внимания. Царица задержала взгляд на провинциалке в неловко скроенном платье, которая посмела не снять

маску. Ресницы раздраженно дрогнули, отмечая чужой промах, и взгляд заскользил дальше.

Наде показалось, что ее заморозили.

Она стояла бледная, с похолодевшими руками и обескровленными губами и не могла шелохнуться. А следом за родителями в зал уже входила царевна Василиса. Русоволосая и голубоглазая — вся в отца. На ней было безупречно подогнанное лазурное платье из дорогого шелка. На хорошенькой головке сияла маленькими камнями-звездами диадема.

Царь с женой и дочерью прошли через Желтый зал и поднялись на второй этаж. Музыканты тронули струны, дунули в трубы, ударили в литавры — и дворец наполнился музыкой.

Надя с пани Ожиной остались внизу.

— Пойдем туда позже, да? — спросила царевна.

Пани Ожина кивнула.

Им снова подали игристое вино, и на этот раз Надя отпила из бокала. Пани Ожина молчала, понимая, что любой разговор будет лишним.

— Смотри — бог ветра.

Надя посмотрела. Невысокий светловолосый юноша не был похож на бога. Впрочем, о богах царевна знала мало, отец не любил говорить о них, и гувернеры следовали его примеру.

— Будьте осторожны, он любит морочить головы молодым девушкам.

Бог-ветер словно подслушал. Обернулся и, улыбаясь, пошел в их сторону.

— Добрый вечер, прекрасные незнакомки! — сказал он, останавливаясь напротив.

Пани Ожина низко поклонилась. Надя не спешила — она не знала, кланяются ли царевны богам.

На первый взгляд, Эолу было столько же, сколько и ей. Пшенично-желтые волосы, голубые глаза, россыпь веснушек по лицу, лбу и шее. На нем был костюм мальчика-пажа:

голубая курточка, шаровары и шапочка. Он был немного смешон и совсем не примечателен. Может, пани Ожина ошиблась? Может, мальчишка просто назвался именем бога, чтобы привлечь к себе внимание?

— Так нельзя, — улыбаясь, ответил ее мыслям юноша. — Я слышу все разговоры о себе. Каждого, кто произносит мое имя. Обычно это останавливает нахалов.

Юноша наклонился, вглядываясь в ее лицо.

— Я тебя знаю?

Пани Ожина попробовала оттеснить его от Нади, шагнула вперед, заслоня девушку. Эол нахмурился.

— Кажется, знаю...

Надя не ответила.

— Нам пора! — заторопилась пани Ожина.

Она схватила царевну за руку, потянула к лестнице. Шуты заслонили их от Эола, но сбить его с толку не смогли. Он оттолкнул одного из охранников и схватил Надю за руку. Порыв ветра взметнул шторы за спиной царевны, и они оказались в другом месте.

Эол все еще сжимал ее запястье, разглядывал лицо. Ни пани Ожины, ни охранников рядом не было. Надя бросила короткий взгляд вокруг. Судя по малахитовой отделке стен, они были в Зеленом зале, на втором этаже. Что ж, хорошо, что он не отнес ее на другой конец Варты!

В бальном зале было светло, людно, но почему-то тихо. Люди не двигались, застыв пойманными в янтарь бабочками. Остановились слуги с подносами, замерли танцующие пары и музыканты. Надя повернулась к Эолу:

— Что вы сделали? Зачем?

— И правда, зачем?

Одна из танцующих пар распалась. Девушка в розовом платье и в розовой маске, усыпанной блестками, отпустила руки партнера и шла к ним.

— Смотри, сестра, кого я нашел!

— И кого же?

Слева от них сбросила оцепенение брюнетка в красном. Она поставила бокал с вином на поднос замершего официанта и тоже подошла.

Девушки, в красном и в розовом, были двойняшками. Обе светлокожие, невысокие, с одинаковыми чертами лица, но девушка в розовом — голубоглазая блондинка, а в красном — кареглазая брюнетка.

— Так кто же это? — еще раз спросила девушка в красном.

— Это Надежда. Черная царевна.

— Та самая?! — восхитилась блондинка в розовом.

Эол кивнул, довольный собой.

— Сними-ка маску, смертная.

Розовая, не дожидаясь, протянула руку к лицу царевны. Надя отступила на шаг.

— Ой, какая пугливая! — рассмеялась Красная. — Сними маску.

Надя не двинулась.

— Снимай маску, человеческая девка, и преклони колени перед своими богами!

— Ни одному из вас я не молилась прежде и сейчас кланяться не стану!

Надя испугалась, но голос не выдал ее. В тишине замершего зала он прозвучал уверенно и громко.

— Ты что позволяешь себе, тварь?

Голос Розовой зазвенел в хрустале люстр, треснул разбитым стеклом. Надя вспомнила сказки о людях, навсегда превращенных в птиц, зверей и придорожную траву из-за того, что дерзили богам, но отступить не позволяло чувство собственного достоинства. Она знала, как много боги сделали для мира, но никогда никому из них не поклонялась и не видела повода начинать сейчас.

— Эта дурища не понимает, с кем имеет дело, — лениво промурлыкала Красная.

— Вы — Пасиа Грина, богиня похоти. Вы — Милость, богиня чистой любви, и вы, Эол — бог-ветер. У вас нет власти надо мной.

Красная улыбнулась. Розовая была рассержена. Эол откровенно забавлялся.

— Девочка права. Подите все прочь.

Никто не видел, как и откуда появилась эта женщина. Высокая и красивая, в серебряном платье, черноволосая и черноглазая, она стояла посреди зала. Боги, не смея даже взглянуть на Серебряную, расступились. Женщина протянула Наде руку, жестом предлагая следовать за ней, и Надя пошла. Они прошли через зал мимо застывших гостей и остановились у лестницы, спускающейся в Желтый зал.

И тут словно кто-то шумно выдохнул, впуская в зал воздух, музыку и жизнь: пары закружились, официанты заспешили, зашелестели платья, запели трубы. Женщина в серебре улыбнулась.

— Я рада нашей встрече, девочка.

Царевна смущенно улыбнулась и сняла маску.

— Ты хорошенькая.

— Спасибо.

— Теперь слушай меня очень внимательно, девочка.

Серебряная положила руки царевне на плечи и посмотрела в глаза, хмуря красивые брови.

— Сегодня начинается твое путешествие. Ты многое сделаешь, многое услышишь и многое переживешь. Запомни этот вечер, следуй и впредь своим словам: никогда ни о чем не проси богов. Каждая твоя просьба, каждое обещание обернется ножом в спину ближнего. У тебя особая судьба и особые отношения с богами, девочка. Это первое. И второе: покинуть город ты сможешь лишь через лес. Сядешь на канатную дорогу — умрешь.

— Через лес? Это возможно?

— Я дам тебе проводника.

И богиня исчезла. Надя смяла в руках маску и перевела дыхание. Станный вечер, подумала она и вдруг поняла, что очень устала и хочет домой, в башню.

— Ну что, смертная, закончим разговор?

Царевна обернулась. Любовь и Страсть — Милость и Пасия Грина — стояли, взявшись под руки.

— Что бы тебе ни обещала тетушка, у нас тоже есть не-много власти, спесивица, — сказала Пасия.

— Грубить старшим очень невежливо. Мы такого не прощаем, — сказала Милость.

— Когда ты встретишь суженого — не узнаешь его, — сказала Страсть.

— А когда узнаешь — расстанетесь навеки, — сказала Любовь.

Милость сняла усыпанную блестками маску, на ее курносом носике остались серебряные веснушки. Маска рассыпалась, превратилась в конфетти. Милость дунула на ладонь, и конфетти полетело Наде в лицо. У царевны закружилась голова. Она заморгала, попробовала убрать блестки с лица. Богини пропали.

В Зеленом зале взорвалась бомба.

Удар горячего ветра опрокинул Надю на пол, а потом вокруг посыпались куски людей.

Рука в желто-лиловом рукаве, изящное женское ушко с бриллиантовой сережкой, обгорелое безрукое тело... Те, кто выжил, бросились к лестнице. Надя не успела подняться на ноги, закрыла руками голову и замерла. О нее спотыкались, больно били ногами, вырвали клоч волос, а потом царевна осталась одна.

Она убрала руки от лица, встала на колени, затем, держась за стену, поднялась на ноги. Подол платья разорван, измазан каблуками и забрызган кровью. Шелковые чулки оплавились, кожу нестерпимо жгло. Надя ладонями потушила тлеющие чулки. Шатаясь, пошла к перилам лестницы. Уши

словно наполнила вода. Она делала звуки глухими, еле различимыми.

Всюду была кровь. Кровавые следы от изящных маленьких туфелек и от ботинок. Пахло горелой тканью и жареным мясом. Царевна схватилась за перила, и ее стошнило.

Желтый зал у подножья лестницы стали заполнять люди. Но не пожарные и не гвардейцы — бедняки. Измученные, пьяные и злые. Надя видела таких на улицах Окольника. Стало страшно.

Люди без остановки что-то кричали... Громко, упиваясь собственным криком, смелостью и отчаянием. Царевна не сразу расслышала слова, но они пробились к ней.

— Долой Проклятую! Долой царя!

— Смерть Черной Надьке!

— Поджечь дворец!

— Поджечь башню!

Она не сразу поняла, что это о ней. Надька. Башня. Проклятая...

Царевна попятилась назад в изувеченный Зеленый зал, полный мертвецов, потому что увидела там другой выход. Дальше все пошло обрывками.

...Платье горит, одну из туфель потеряла, вторую сняла сама. Вокруг мертвецы и огонь. По полу разбросан серпантин, конфетти, сброшенные маски и останки людей. Она идет через зал, будто по дну океана, медленно переставляя непослушные ноги. Перед глазами все плывет. Надя думает об одном: не упасть!

...Кто-то крепко держит ее под локоть. Они уже прошли зал, впереди начинается коридор. Дверь сорвало с петель, там можно выйти. Позади трещат под ударами стены дворца, звенит стекло. От страха — липкого, всепоглощающего и тошнотворного — у Нади темнеет в глазах, но спутник уверенно выводит царевну из зала. Все равно, кто ведет ее. Но она чувствует под тканью пиджака твердую, словно отлитую из металла руку...

...Надя с трудом размыкает опаленные ресницы. Она лежит на подушках, укрытая солдатской шинелью южного образца. Диван под ней покачивается, стучат за окном копыта лошадей. Карета?

Она приподнялась на подушках.

Напротив сидит прекрасный юноша в лиловом мундире. Он смотрит в окно, и свет фонарей пробегает по его лицу. Красивое лицо. Оно перепачкано сажей, капли пота проложили дорожки по лбу и щекам. Выражение сосредоточенное. За окном кареты проносится ночной город. Плывет вслед за ними голубая зимняя луна. Воздух холодный, острый, жалит обнаженные плечи и обожженные ноги. Ей плохо, но так приятно видеть рядом красивого юношу! Он заметил, что девушка пришла в себя. Что-то спросил, но царевна молчит. Губы и язык онемели, не желают слушаться. Надя лишь улыбается ему...

...Мужчина средних лет, в сером сюртуке, на носу пенсне в серебряной оправе. Доктор? Он светит в глаза фонариком.

— Вы как себя чувствуете, панночка? Можете говорить?

Надя хочет ответить, но не получается. Губы словно запечатаны. Она пробует покачать головой и начинает снова проваливаться в темноту.

— Оглушило взрывом, ваше высочество, — поясняет кому-то доктор. — Дайте ей пару дней...

Надя открыла глаза. Ночь. Она в комнате одна.

Царевна села на кровати, прислушалась к себе. Руки перебинтованы, ноги перебинтованы, больно, но можно терпеть. Темно. Под потолком блестела в полутьме лампа-кровавка. Надя хотела бы зажечь свет, да не знала слов. Этим молитвам ее не учили.

Она осторожно поднялась с кровати и подошла к окну.

Ушла за крыши домов луна, готовясь к рассвету, но на улице светло. Словно кто-то набросил на лампу голубой платок.